

А.В. Климаков*

ЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ
СУПРУЖЕСКОЙ ИЗМЕНЫ

В статье рассматриваются этические тезисы, выдвигаемые в публичном пространстве сторонниками необходимости декриминализации супружеских измен. По мнению автора, методологические недостатки, присущие таким тезисам и обозначенные в настоящей статье, не позволяют считать позицию сторонников декриминализации адюльтера достаточно обоснованной. Автор считает необходимым учитывать все возможные объяснения в целях дальнейшей дискуссии.

Ключевые слова: этика, декриминализация, семейное право, супружеская измена

Ethical background for decriminalization of adultery. ALEXEY V. KLIMAKOV (Independent researcher, Odintsovo, Russia)

The article reviews ethical points that are publicly promoted by supporters of the decriminalization of adultery. According to the author, the methodological flaws inherent in such points and outlined in this article make the position of those who support the decriminalization of adultery insufficiently justified. The author considers it necessary to take into account all possible explanations for further discussion.

Keywords: ethics, decriminalization, family law, adultery

Многие исследователи отмечают тесную связь права и морали. Вместе с тем, то, каким именно образом они соотносятся между собой, является предметом дискуссии, начало которой было положено еще в древности [5] и которая по настоящий день навряд ли близка к разрешению. Однако представляется бесспорным, что право и мораль, являясь регуляторами общественных отношений, постоянно испытывали определенное взаимовлияние в той мере, в которой они определяли границы должного и дозволенного.

На протяжении всей человеческой истории такое взаимовлияние было разнонаправленным: с одной стороны, некоторые виды пове-

дения, допустимые с точки зрения общества, спустя некоторое время оказывались запрещенными под страхом уголовного наказания, после чего также переставали восприниматься как дозволенные моралью; с другой стороны, имели место и обратные процессы, когда правовые нормы корректировались и отменялись с учетом изменившейся морали. Так, отмиранию института кровной мести способствовало последовательное изменение законодательства: по мере своего усиления государство сначала ограничивало применение кровной мести, а затем и вовсе запретило ее [13]. Примером же обратных процессов служит декриминализация богохульства в некоторых европейских госу-

* КЛИМАКОВ Алексей Владимирович, независимый исследователь, г. Одинцово.

E-mail: alexey.klimakov@gmail.com

© Климаков А.В., 2022

дарствах, общества которых подверглись значительной секуляризации.

Несмотря на то, что представления общества о недопустимом поведении в основном совпадают с существующими законодательными запретами, в некоторых случаях поступки, считающиеся аморальными, сами по себе безразличны законодателю и не образуют самостоятельного состава правонарушений. Таким поступком, например, является супружеская измена. На сегодняшний день она не признается преступлением во всех европейских государствах. Вместе с тем, такое положение дел сложилось относительно недавно. Так, во Франции адюльтер был декриминализован в 1975 г., в Испании – в 1978 г., в Бельгии – в 1987 г., в Швейцарии – в 1989 г., а в Австрии – в 1997 г. [1], что по меркам уголовного права не является таким уж большим сроком.

Примечательным при этом является то, что Россия была одним из первых европейских государств, отказавшихся от уголовного преследования супружеской измены. До установления советской власти наказание за прелюбодеяние было предусмотрено ст. 2077 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а также ст. 418 Уголовного уложения 1903 г., которая так и не вступила в силу. После Октябрьской революции были изданы декреты о суде № 1 и № 2, формально допускавшие применение судами ранее действовавших законов, однако обуславливая такое применение непротиворечием данных законов «революционной совести» и «революционному правосознанию». У нас нет сведений, насколько широко применялись в период между 1917 и 1922 гг. наказания к лицам, совершившим прелюбодеяние. С одной стороны, в юридической периодике отмечались [8] ненаказуемость прелюбодеяния и отсутствие специфической защиты зарегистрированного брака по отношению к незарегистрированному сожительству, сложившиеся после принятия Кодекса законов об актах гражданского состояния 1918 г. Указанное положение должно было быть ориентиром и при разрешении уголовно-правовых вопросов. Также заметим, что по имеющемуся свидетельству [11, с. 22] недолгой работы венгерских пролетарских судов, которая была организована во многом похожим образом, что и работа народных судов в Советской России, прелюбодеяние не рассматривалось ими как преступление. Однако, с другой стороны, революционное правосоз-

нание в России зачастую приобретало весьма причудливые формы, что на практике иногда приводило не только к сохранению уголовной наказуемости прелюбодеяния, но даже и к ужесточению ответственности: так, известен случай признания в Сарапульском уезде виновной в прелюбодеянии женщины, которую в соответствии с принятым там положением о наказании зарыли живой в землю [14].

Как бы то ни было, в Советской России суды тех времен зачастую испытывали затруднения в разрешении конкретных дел, в связи с чем в 1918 г. в недрах Народного комиссариата юстиции были разработаны проекты законов, основанные на дореволюционных уставах и уложениях, которые должны были восполнить недостаток в четких и ясных правилах. Помимо прочего был создан проект нового Уголовного уложения, который, по словам его редактора А.А. Шрейдера, представлял собой пересмотренное «с точки зрения нового революционного правосознания» Уголовное уложение 1903 г. [9, с. 153]. Проект Уголовного уложения 1918 г. так и не применялся на практике, однако он представляет интерес как важный документ эпохи, в котором нашли одновременное отражение как положения доктрины уголовного права тех лет, так и социалистическая идеология.

Результатом пересмотра Уголовного уложения 1903 г. стало в том числе то, что все статьи, составляющие главу «О преступных деяниях против прав семейственных», включая прелюбодеяние, не вошли в проект Уголовного уложения 1918 г. И хотя в последующих советских кодификациях, которые уже имели юридическую силу и применялись на территории РСФСР, некоторые из этих деяний вновь стали рассматриваться как преступления (в частности, в 1928 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. был дополнен помимо прочего статьей 197, предусматривавшей наказание за принуждение женщины ко вступлению в брак – правда, с оговоркой, что действие статьи распространялось на отдельные регионы РСФСР, где такие действия являлись пережитками родового быта), прелюбодеяние продолжало оставаться уголовно ненаказуемым. Таким образом, начиная с 1922 г. уголовные законы Советской России не рассматривали супружескую измену в качестве общественно опасного деяния, которое подлежало наказанию.

Философские идеи, стоявшие за декриминализацией супружеской измены в Советской

России, были выражены в труде Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Согласно им, форма семьи, являвшейся современной на тот момент, была производной от буржуазных производственных отношений. В таких отношениях огромное влияние на выбор супругов оказывают экономические соображения, а сама модель буржуазного брака предназначена обеспечивать накопление и передачу по наследству собственности, сосредоточенной в руках мужчины. В свою очередь, это обеспечивает зависимость как детей от родителей, так и женщины от мужчины, что в большой степени способствует мужской неверности. Отметим, что в оптике марксизма, согласно которой право рассматривалось как возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определялось материальными условиями его жизни, уголовная ответственность за прелюбодеяние подлежала рассмотрению прежде всего как инструмент укрепления такой зависимости. Иные возможные соображения для наказания, таким образом, принципиально не подлежали рассмотрению.

По мнению Энгельса, недостатков, свойственных буржуазному браку, было лишено брачное сожитительство пролетариев: при неимении у этих людей собственности отсутствуют причины, способствующие установлению господства мужчин, а решающую роль в выборе супруга имеют личные и общественные условия, не относящиеся к экономическим. Следствием этого являются, продолжает Энгельс, ничтожное значение гетеризма и супружеской неверности в пролетарском браке, которые являются «постоянными спутниками моногамии»: жена фактически вернула себе право расторгнуть брак, и супруги при возникновении противоречий в нем попросту предпочитают разойтись [15, с. 53].

Уничтожение буржуазных производственных отношений, согласно данной теории, должно изменить и содержание общественных институтов. В первоначальном наброске «Манифеста коммунистической партии» Энгельс выразил мнение, что коммунизм, уничтожив частную собственность и введя общественное воспитание детей, «превратит отношения между обеими полами в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц, в которые обществу нечего вмешиваться» [7, с. 7]. В перспективе построения коммунизма

регулирование брачных отношений, которое вводилось в первые годы советской власти на замену дореволюционному законодательству, по необходимости должно было стать не более чем переходным явлением и подлежало последующему упразднению. Тем не менее, по своему содержанию оно уже представляло собой радикальный разрыв с положением, существовавшим в Российской империи. Удобно будет рассмотреть изменения, происшедшие с браком, в аспекте процедуры его расторжения: если до революции развод допускался по исчерпывающему перечню причин, которые определялись религиозными нормами, подчас жестко (для православных, начиная с 1839 г., года издания «Книги правил», они сводились к прелюбодеянию, неспособности к брачному сожителю, безвестному отсутствию и лишению всех прав состояния [6]; брак между католиками и вовсе являлся нерасторжимым [12]), после революции стало достаточно лишь заявления одной из сторон. Однако в 1944 г. развод стал возможен лишь при условии возбуждения судебного производства, по общему правилу – публичного. При этом народный суд, которому дело поступало первоначально, должен был установить мотивы подачи заявления о расторжении брака и принять меры к примирению супругов, для чего вызывались оба супруга, а в случае необходимости и свидетели. Если народному суду не удалось примирить супругов, истец мог обратиться с заявлением о расторжении брака в вышестоящий суд. А учитывая, что законодательство не содержало исчерпывающего перечня оснований, по которым допускалось расторжение брака, решение следовало принимать с учетом огромного числа обстоятельств, которые требовалось выяснить суду.

Так, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака» указывалось, что «временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными и преходящими причинами, равно как и не обоснованное серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак, – не могут считаться достаточным основанием к расторжению брака. Только в том случае, когда, исходя из конкретных обстоятельств дела, суд придет к убеждению, что возбуждение дела о разводе вызвано глубоко продуманными и обоснованными мотивами и что дальнейшее сохранение брака

будет противоречить принципам коммунистической морали и не может создать нормальных условий для совместной жизни и воспитания детей, – суд может расторгнуть брак». При этом в преамбуле постановления в качестве примера необоснованного прекращения брака судом был приведено «дело супругов Нейман», в котором Верховный суд РСФСР мотивировал необходимость развода тем, что истец прекратил совместную жизнь с ответчицей и живет с другой женщиной. В таком случае суд, как представляется из дальнейших разъяснений, был обязан «разъяснить супругам неосновательность мотивов, на которые они ссылаются, помочь им прийти к примирению и тем самым сохранить семью». Таким образом, суды были ориентированы на сохранение даже тех браков, которые были фактически развалены постоянным отсутствием супруга в семье и, как представляется, постоянными изменами с его стороны, которые в имперской России преследовались бы по закону.

В 1960-е гг. регулирование разводов в очередной раз изменилось: супруги, не имеющие несовершеннолетних детей, могли при взаимном согласии расторгнуть брак в органах записи актов гражданского состояния. Однако во многих других случаях все еще требовалась судебная процедура, и суд обязан был принять меры к примирению супругов. Брак расторгался в тех случаях, когда суд устанавливал, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными. Такое регулирование брачных отношений хотя и явилось более либеральным по сравнению с тем, которое сложилось в 1940-е гг., все же в значительной степени отдалилось от марксистского идеала «чисто частных отношений, в которые обществу нечего вмешиваться». Тем не менее, ни ужесточение регулирования брачных отношений в 1940-е гг., ни последующие изменения семейного законодательства не повлияли на место супружеской измены в законодательстве: суды могли принимать во внимание факты прелюбодеяния супруга наряду с иными обстоятельствами, которые могли влиять на принятие решения о допустимости развода, однако сама по себе измена не предопределяла расторжения брака и не влекла уголовного наказания.

С упразднением советской власти и принятием в 1993 г. Конституции Российской Федерации марксистская идеология перестала безальтернативно определять политику госу-

дарства и существенно влиять на законодательное регулирование. Развитие уголовного законодательства в постсоветскую эпоху ознаменовалось как включением в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. совершенно новых составов преступления, которые не были ранее известны советскому уголовному законодательству (например, терроризма или неправомерного доступа к компьютерной информации), так и невключением в него некоторого числа деяний, ранее содержавшихся в Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Помимо, например, спекуляции или «ведения паразитического образа жизни», которые перестали рассматриваться как преступления в новых социально-экономических условиях, к числу декриминализованных в постсоветские годы были отнесены и такие деяния, как принуждение женщины к вступлению в брак, а также двоеженство или многоженство, которые в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. были включены в главу «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев». Таким образом, те редкие деяния, которые в дореволюционной России рассматривались как преступления против дел семейственных и совершение которых в Советской России преследовалось пусть даже с учетом ограниченной территориальной сферы применения соответствующих статей, перестали считаться преступлениями. Безусловно, в тех случаях, когда в деянии обнаруживался бы состав иного преступления (например, похищение человека), оно бы подлежало уголовному преследованию, однако уголовно-правовой защите в данном случае подлежали бы не основы нравственности и правопорядка, на которых строится регулирование семейных отношений в России, а физическая свобода, жизнь и здоровье жертвы преступления. Учитывая, что такая ситуация сложилась в отношении деяний, совершение которых в явном виде противоречит семейному законодательству (ст. 12 Семейного кодекса Российской Федерации говорит о взаимном добровольном согласии мужчины и женщины как об обязательном условии для вступления в брак), неудивительно, что при составлении Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. законодатель проигнорировал ту сферу, которую он предпочел не регулировать при составлении Семейного кодекса, – вопросы супружеской верности.

При рассмотрении истории декриминализации прелюбодеяния в России и европейских го-

сударствах может сложиться впечатление, что в целом уголовное наказание за супружескую измену является очевидно пройденным этапом. Однако мы видим, что, с одной стороны, в отдельных штатах США уголовные кодексы все еще содержат статьи, предусматривающие наказания за совершение измены, а с другой стороны, в некоторых странах уголовное наказание было отменено совсем недавно. В частности, на Тайване уголовное наказание за адюльтер было отменено Конституционным судом в 2020 г. Решение было встречено полярными оценками: в то время как консервативные организации называли его возмутительным, феминистские организации его приветствовали. Однако любопытным является то, что супружеская измена была декриминализована вопреки мнению большинства населения Тайваня, которое выступало за сохранение уголовного наказания [2; 3].

События, происходившие на Тайване, отражают определенную тенденцию: основными силами, продвигающими декриминализацию супружеской измены в тех странах, где она еще признается преступлением, на нынешнем этапе выступают феминистские организации. Так, в 2017 г. рабочая группа ООН по вопросу о дискриминации в отношении женщин и девочек разослала правительствам данных стран письма с призывами отменить положения уголовного законодательства о наказании за супружескую измену. Достаточно любопытной при этом выглядит их аргументация: по мнению рабочей группы, хотя супружеская неверность и может представлять собой нарушение семейного законодательства, она не должна рассматриваться как преступление в связи с тем, что это нарушает запрет дискриминации в семье и посягает на права женщин на неприкосновенность частной жизни [10]. При этом сама рабочая группа признавала, что уголовно-правовые положения о прелюбодеянии в большинстве своем все-таки формулируются гендерно нейтрально, в связи с чем вывод группы о том, что они представляют собой нарушение прав только женщин, а не человека в целом, начинает выглядеть как базирующийся на странных предпосылках: либо группа исходит из того, что у женщин есть какое-то особое «женское» право на измену, которого не должно быть у мужчин (что, по нашему мнению, следует расценивать как сексизм по отношению к мужчинам), либо, по мнению группы, измена является явлением, характер-

ным в большинстве своем именно для женщин (что, как мы считаем, следует расценивать как унижение достоинства по признаку женского пола). В отдельных материалах группа для доказательства тезиса о дискриминационном действии статей, предусматривающих уголовное наказание за супружеские измены, ссылается на правоприменительную практику таких стран, как Пакистан и Йемен, где почти не фиксируется привлечение к ответственности мужчин [4]. Отметим, что нам такая выборка кажется довольно однобокой: правовая система данных государств находится под значительным влиянием шариата, который в целом исходит из значительных различий статуса мужчины и женщины в исламском обществе, что выражается во всех аспектах, в том числе процессуальных, однако практика анализировалась будто бы изолированно от этого контекста, что не способствует универсализации полученных выводов. В отношении же ранее упомянутого Тайваня правозащитники фиксировали несоразмерное применение закона об уголовном преследовании прелюбодеяния до его отмены: по их заявлениям, женщины до момента отмены уголовного наказания осуждались за прелюбодеяние на 20% чаще, чем мужчины, хотя в действительности доля женских измен составляет 40%. Вероятно, сложившаяся пропорция могла свидетельствовать об избирательном правоприменении, хотя она все же в значительной степени отличается от однобокой картины, которую представляла рабочая группа ООН по вопросу о дискриминации в отношении женщин и девочек по результатам анализа практики Пакистана или Йемена. Однако отметим, что у такого положения дел могли быть и иные причины: как представляется, супружеские измены обладают высокой латентностью. В таком случае в правоприменительную статистику будут попадать только те факты супружеской неверности, которые, во-первых, были выявлены пострадавшей стороной, а во-вторых, были ей зарегистрированы в правоохранительных органах. Если указанное предположение соответствует истине, сложившаяся картина может быть объяснена в том числе более высокой терпимостью женщин к выявленным изменам супругов. Следует с сожалением констатировать, что мы не нашли следов отражения проверки этой гипотезы в проанализированных материалах, что свидетельствует если не о сознательном пренебре-

жении авторов исследований методологической строгостью, то как минимум об уделении ей недостаточного внимания.

Подводя итог, отметим, что на сегодняшний день возвращение прелюбодеяния в российский Уголовный кодекс выглядит весьма маловероятным, принимая во внимание как сложившуюся историю его ненаказуемости в России даже в периоды ужесточения государственного контроля за всеми сферами общественной жизни, так и общемировые тенденции. Однако то, каким именно образом эти тенденции реализуются, вызывает большие вопросы к их обоснованности. По нашему мнению, гипотетическое рассмотрение целесообразности введения или исключения уголовного наказания за супружескую измену должно сопровождаться комплексным исследованием данного явления с учетом релевантных социокультурных и криминологических обстоятельств. Идеологизация данного вопроса хотя иногда и может предоставить какие-то неожиданные перспективы для исследования, на наш взгляд, зачастую не способствует обеспечению его всесторонности и объективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adultery laws. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Adultery_laws
2. Buchan, N., 2020. Why does Taiwan still criminalize adultery? // Taipei Times. March 31. URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2020/03/31/2003733700>
3. Quin, A., 2020. Taiwan court strikes down law criminalizing adultery // New York Times. May 29. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/29/world/asia/taiwan-adultery.html>
4. UN Working Group on Discrimination. «Adultery as a criminal offence violates women's human rights». URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Women/WG/AdulteryasaCriminalOffenceViolatesWomenHR.pdf>
5. Батиев Л.В. О соотношении права и морали в античной и раннесредневековой философии // Новая правовая мысль. 2009. № 2. С. 46–50.
6. Брун М.И. Развод // Энциклопедический словарь. Т. 26. СПб., 1899. С. 131–136.
7. Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. СПб.: Государственное издательство, 1921.
8. Гойхбарг А.Г. О пересмотре семейного и брачного права // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 31. С. 597–599.

9. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы). М.: Проспект, 2015.

10. «Криминализация супружеской неверности: нарушение прав женщин». Управление Верховного комиссара по правам человека ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/wg-women-and-girls/criminalization-adultery-violation-womens-human-rights>

11. Ракош Ф. Революционное правосудие. СПб.: Государственное издательство, 1922.

12. Ставский Б.И. Гражданские законы губерний Царства Польского, разъясненные по решениям бывшего Варшавского IX департамента (1842–1875) и Гражданского кассационного департамента (1876–1904) Правительствующего сената, со всеми позднейшими изменениями и дополнениями. Т. 1. Варшава, 1905.

13. Ступникова Н.Н. Историография и хронология формирования права кровной мести в древнерусском уголовном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 1. С. 183–187.

14. Чучаев А.И., Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И. Уголовно-правовое воздействие. М.: Проспект, 2012.

15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

REFERENCES

1. Adultery laws. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Adultery_laws
2. Buchan, N., 2020. Why does Taiwan still criminalize adultery? URL: <https://www.taipeitimes.com/News/feat/archives/2020/03/31/2003733700>
3. Quin, A., 2020. Taiwan court strikes down law criminalizing adultery. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/29/world/asia/taiwan-adultery.html>
4. UN Working Group on Discrimination. «Adultery as a criminal offence violates women's human rights». URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Women/WG/AdulteryasaCriminalOffenceViolatesWomenHR.pdf>
5. Batiev, L.V., 2009. O sootnoshenii prava i morali v antichnoi i rannesrednevekovoi filosofii [On the relation between law and morality in ancient and Early Medieval philosophy], Novaya pravovaya mysl', no. 6, pp. 46–50. (in Russ.)

6. Brun, M.I., 1899. Razvod [Divorce]. In: Entsiklopedicheskii slovar'. Sankt-Peterburg, 1899, pp. 131–136. (in Russ.)
7. Bystryanskii, V., 1921. Kommunizm, brak i sem'ya [Communism, marriage and family]. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russ.)
8. Goikhbarg, A.G., 1923. O peresmotre semeinogo i brachnogo prava [On the reconsidering of family and marriage law], Ezhenedel'nik sovetskoj yustitsii, no. 31, pp. 597–599. (in Russ.)
9. Gracheva, Yu.V., Malikov, S.V. and Chuchaev, A.I., 2015. Sovetskoe ugovolnoe ulozhenie (nauchnyi kommentarii, tekst, sravnitel'nye tablitsy) [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)]. Moskva: Prospekt. (in Russ.)
10. «Kriminalizatsiya supruzheskoi nevernosti: narushenie prav zhenshchin». Upravlenie Verkhovnogo komissara po pravam cheloveka OON [«Criminalization of adultery: violation of women's rights». Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/wg-women-and-girls/criminalization-adultery-violation-womens-human-rights> (in Russ.)
11. Rakosh, F., 1922. Revolyutsionnoe pravosudie [Revolutionary justice]. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (in Russ.)
12. Stavskii, B.I., 1905. Grazhdanskie zakony gubernii Tsarstva Pol'skogo, raz'yasnennye po resheniyam byvshego Varshavskogo IX departamenta (1842–1875) i Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta (1876–1904) Pravitel'stvuyushchego senata, so vsemi pozdneishimi izmeneniyami i dopolneniyami [Civil law of the provinces of the Kingdom of Poland, explained by the decisions of the former Warsaw IX Department (1842–1875) and the Civil Cassation Department (1876–1904) of the Governing Senate, with later amendments and additions]. T. 1. Warsaw. (in Russ.)
13. Stupnikova, N.N., 2011. Istoriografiya i khronologiya formirovaniya prava krovnoi mesti v drevnerusskom ugovolnom prave [Feud right formation historiography and chronology in Old Russian criminal law], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 3, part 1, pp. 183–187. (in Russ.)
14. Chuchaev, A.I., Esakov, G.A., Ponyatovskaya, T.G. and Rarog, A.I., 2012. Ugolovno-pravovoe vozdeistvie [Criminal law measures]. Moskva: Prospekt. (in Russ.)
15. Engels, F., 1937. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state], Moskva: Partizdat TsK VKP(b). (in Russ.)